

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

НАТАЛЬЯ НИКОЛЬСКАЯ
ВАЛАНДРА

ПАРИ

САМЫЙ СЕКСУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Никольская
Пари
Серия «Валандра», книга 1

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168669

Аннотация

В смерти известного теннисиста подозреваются все, хотя полиция считает, что уже раскрыла дело. Но за расследование берется глава службы безопасности охранной фирмы Валандра. И теперь настоящему преступнику не поздоровится.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Наталья Никольская

Пари

ГЛАВА ПЕРВАЯ

* * *

– Вадик, подъем, на выезд, – Антонов теребил за рукав джемпера кудрявого долговязого парня, растянувшегося на обитом черным дерматином диване.

Маркелов потер глаза и быстро принял сидячее положение.

– Че, тревога?

– Нет, девчонки пришли, – по-доброму усмехнулся Антонов, – с шампанским...

– Е-мое, шесть утра, – Вадим потряс головой.

– Кончай трепаться, я жду в машине.

Антонов стремительно покинул комнату, служившую им одновременно кабинетом, столовой и спальней во время ночных дежурств.

Кроме дивана, на котором минуту назад еще спал Вадим, в помещении стоял массивный круглый стол, на котором поблескивал начищенными боками электрический самовар,

несколько дерматиновых кресел, стулья с потертыми сиденьями, обычный платяной шкаф, книжный шкаф, чьи полки наполовину были загружены разноцветными папками и – предмет общего вожделения – холодильник «СТИНОЛ».

Главной же достопримечательностью этой комнаты был пульт, на который поступали звонки с объектов, поставленных на сигнализацию.

Маркелов и Антонов работали в службе безопасности фирмы «Кайзер», одной из тех, благодаря деятельности которых, граждане могут быть относительно спокойны за свое жилье.

Стальные двери, производимые и устанавливаемые выше-названной фирмой, обеспечивали более-менее надежную защиту от проникновения незваных гостей, желающих пожить нажитым добром.

Но Маркелов и Антонов со своими товарищами по работе конкретно изготовлением дверей не занимались, иначе какого рожна они бы проводили столько бессонных ночей в этой полифункциональной комнате, за окнами которой сейчас в утреннем сумраке хороводились тяжелые белые хлопья, медленно тая на лобовых стеклах машин и лицах ранних прохожих.

– Ну, блин, и погода! – Маркелов в куртке нараспашку сел на переднее сиденье рядом с Антоновым, – куда едем?

– Гастелло, сто пятнадцать, – невозмутимо ответил Антонов, нажимая на педаль акселератора.

– Ну мы-то ладно, а народ-то куда в такую рань прет? – риторически подивился Вадим, шмыгая носом и озираясь по сторонам.

– А ты как думал! – усмехнулся и зевнул его напарник, – ранней пташке Бог дает.

– Как думаешь, до восьми управимся? – спросил Маркелов, развернувшись к Александру.

Тот неопределенно пожал плечами и, выпятив губы, сделал жест, выражающий и сомнение, и надежду.

– Может быть. Хотелось бы.

– Твоему братану с Сергеем вчера повезло, – прищелкнул языком Маркелов, – ни одного вызова, всю ночь в поддавки резались, я бы на их месте храпанул как следует.

– Ты и сегодня спал как слон, – дружески съязвил Антонов, поворачивая на улицу Гастелло, – и вообще, тебе грех на работу жаловаться, платят вовремя, компьютер под руками, да за дежурства еще подбрасывают.

– Да я не жалуюсь, вот только иногда меня Валандра достает, требовательная баба.

– Она в органах до майора дослужилась, научилась командовать, – Антонов на несколько секунд опустил стекло «Нивы», приближавшейся к пункту назначения, и выбросил окурок.

Вершинина Валентина Андреевна – Валандра, как называли ее между собой подчиненные, вот уже три года возглавляла службу безопасности фирмы «Кайзер» и являлась непо-

средственным начальником Маркелова и Антонова.

В команде Вершининой, которую она сама набирала, кроме них работало еще четверо: секретарь-референт Вершининой, ее правая рука – Мамедов Алискер, Ганке Валентин Валентинович, специалист по замкам, признанный виртуоз своего дела, вышеупомянутый младший «братан» Антонова Александра – Антонов Николай, в чьи обязанности входила слежка, расспросы, фотографирование, а также вождение автомобиля, и Болдырев Сергей, для которого этот автомобиль был родиной, другом и возлюбленной, всем тем, чем для Маркелова Вадима была электроника.

– Надеюсь, не последний этаж, – сказал Вадим, когда они остановились у подъезда девятиэтажки.

Разгоняя сумрачную тишину двора мигалкой и сиреной, следом подкатил милицейский УАЗик, из которого прынула лихая четверка с автоматами в шлемах и бронежилетах.

– Впечатляющее зрелище, – иронично прокомментировал Маркелов, – так они всех ворюг распугают.

Кивнув ментам, Александр с Вадимом подождали, пока последний из четверки скрылся в подъезде, и направились следом.

* * *

– Ну, сыщики, докладывайте, – Вершинина сидела за столом у себя в кабинете, переводя взгляд с Маркелова на Ан-

тонова, – кто начнет?

Голубые глаза Вершининой, в уголках которых притаились тонкие лучики морщинок, лукаво смотрели из-под русской челки.

– На объекте по адресу: Гастелло, сто пятнадцать были в шесть ноль семь, через пять минут после сигнала, – начал Маркелов. – Следом подъехали менты. Мы вошли в квартиру прямо за ними. Глядим, они уже скрутили голубчика.

– Что за голубчик? – поинтересовалась Валентина Андреевна, прикуривая от настольной бронзовой зажигалки в виде дракона, застывшего с поднятой головой в воинственной позе. Стоило нажать кнопку, как из его пасти вырывалось пламя.

– Трифонов Петр Петрович, сосед Федорова, живет с ним на одной площадке.

– Сосед, значит, – тонкие брови Вершининой спрятались под челкой.

– Ну, натурально, сосед, – продолжал Маркелов, – а труп Федорова в ванной валяется, с ножичком в сердце.

Маркелов неотрывно смотрел на Вершинину, ожидая увидеть, какое впечатление произвела на нее его последняя фраза. Лицо Валентины Андреевны выражало молчаливый нейтралитет, только ее взгляд, на минуту утратив присущую ему ироническую насмешливость, стал более внимательным.

– Ты сигнализацию проверил?

– Обижаете, Валентина Андреевна, конечно проверил,

все в порядке, только кому она теперь нужна?

– Что, родственников нет?

– Пока неизвестно, Силантьев будет разбираться.

– Если никто не объявится, снимайте с пульта.

– Хорошо, Валентина Андреевна, свяжемся с Силантьевым, узнаем.

– И что говорит Петр Петрович?

– Петр Петрович рассказывает какие-то сказки. Мол, Федоров ему позвонил, сказал, что друзья с ним пошутили, ушли и заперли его снаружи, а дверь изнутри не открывается. Попросил его отпереть, сказал, что ключ в замке. Петрович, якобы, оделся и вышел на площадку. Ключ действительно торчал в двери. Он отпер и вошел, крикнул Дмитрия, покойника Дмитрием звали – никто не отзывается. Тут телефон зазвонил, ну он трубку брать не стал, вроде как не ему звонят, пошел хозяина искать. В общем, пока он там мотался, и мы подъехали.

– Сегодня лейтенант Силантьев с тревожной группой выезжал? – Вершинина покрутила сигаретой в большой хрустальной пепельнице и встала.

– Он самый, – Маркелов поднял голову, следя взглядом за Валентиной Андреевной, – корчит из себя Шерлока Холмса.

– Ну, ладно, дальше, – Вершинина, прихватив по дороге кувшин, подошла к окну и, критически посмотрев на кактус-заморыш, стоящий на подоконнике, дала ему напиться, – наверное, холодно ему здесь, не май месяц.

Вершинина была крупной, статной дамой, но, несмотря на свою полноту, она двигалась легко и свободно без суеты и спешки, присущих многим нервным и худощавым особам и без монументальной тяжеловесности, характерной для родных матрон.

– Кому холодно? – рассеянно переспросил Антонов.

– Кактусу. Ты где, Саша, на Луне? – усмехнулась Валентина Андреевна.

– Нет, но вы как-то так сразу... о кактусе заговорили, – проямлил сбитый с толку Антонов.

– Жениться тебе надо, Шурик, – шутливо продолжала Вершинина, – тогда бы ты на практике уяснил, что такое женский ум.

– Смесь ежа с гадюкой? – хихикнул Маркелов.

– Не так ядовито, – Валентина Андреевна с насмешливой укоризной посмотрела на Вадима, – но в чем-то ты прав. Женщины могут почти одновременно думать о чулках и звездах. В этом есть, конечно, свои плюсы и минусы.

– В чем же плюсы? – заинтересовался Маркелов.

– Во всеохватности, всесторонности взгляда, в способности прислушиваться к своей интуиции, а, значит, в некотором смысле – прозревать будущее...

– А каким вы видите мое будущее, Валентина Андреевна? – спросил захваченный разговором Вадим.

– Если ты, Вадик, не женишься через два года, ты вообще никогда этого не сделаешь, будешь до седых волос копаться в

своих компьютерах, вконец потеряешь зрение, будешь похож на такого, – Вершиннина, приподняв подбородок, сощурила глаза, – подслеповатого кролика. – А вообще-то, как сказал Шанфор: «И в браке, и в безбрачии есть свои недостатки: из этих двух состояний предпочтительней то, которое еще можно исправить».

И начальница, и подчиненные весело рассмеялись.

– А минусы в чем... я про женский ум, Валентина Андреевна? – не унимался Маркелов, пытаюсь наигранной серьезностью стереть с мальчишески пухлых губ следы улыбки.

– В неразборчивости, в суетности, в скоропалительности выводов.

– Ну, Валентина Андреевна, вас в этом нельзя упрекнуть, – покачал головой Антонов.

– Вишь ты как подъехал! – рассмеялась Вершиннина, – ладно, с женской психологией разберемся после, если у вас будет желание. Значит, Петрович в убийстве не признается?

– Нет, не признается. Говорит, зачем мне его убивать? А как труп в ванной увидел, чуть в обморок не ляснулся, артист еще тот! – воскликнул Маркелов.

– Так, а Силантьев что? – Вершиннина снова заняла свое место за столом.

– Силантьев приказал своим архаровцам поднять соседей, без понятых-то нельзя, и пошел у Трифонова обыск делать. И что же вы думаете, – Маркелов хитро заулыбался, – в грязном белье в стиралке нашли десять золотых монет цар-

ской чеканки, как записали в протоколе, «желтого металла». Спрашивают Петровича, твои? Он говорит, нет, впервые, мол, вижу. А у Федорова в пластиковой папке с кармашками, где он монеты свои хранил несколько кармашков пустыми оказались.

– И как же наш сосед это объяснил? Погоди, – Вершинина сняла трубку зазвонившего телефона. – Доброе утро, Михаил Анатольевич. Все в порядке. Хорошо, сейчас поднимусь.

Она опустила трубку и, обращаясь к ребятам, сказала:

– Подождите немного, я скоро, шеф вызывает.

Валентина Андреевна подошла к висевшему на стене большому овальному зеркалу и, не смущаясь присутствия подчиненных, поправила макияж, откинула челку со лба и неторопливо вышла из кабинета.

– Ну, Валандра, – полувосхищенно-полуязвительно произнес Маркелов, – даже к шефу идет как пава.

– А как она тебе насчет женского ума втирала. Всеохватность... Интуиция... – довольно удачно спародировал Вершинину Шурик.

– У нее котелок варит, что надо. – Маркелов вступился за Вершинину. – сидит-сидит, молчит-молчит, а потом – нате – все по полочкам разложит.

– Не зря она в ментовке лет десять отпахала, и хоть и турнули ее оттуда, а полковники с ней за ручку здороваются, сам видел, когда ее отвозил в управление, Сергей тогда отгул брал.

– Да, уважают нашу Валандру. – согласился Вадим, – только вот ты мне скажи, ты с ней какого-нибудь мужика рядом можешь представить?

– Ха, – коротко хмыкнул Шурик, – мне и представлять не нужно, не далее как вчера видел ее в компании с одним дядечкой, ничего так дядечка, ездит на девятьсот шестидесятой «вольвочке».

– Да я не об этом говорю, ты бы смог с рентгеном жить? Она же всех насквозь видит, только делает вид, что ничего не замечает. А как баба она вполне, хоть для меня и тяжеловата немного.

– Да она с тобой и не ляжет, – подковырнул дружка Шурик, – не тот масштаб.

– Вот и я про то же...

– Про что ты? – подхватила стремительно вошедшая Валандра.

Маркелов с Антоновым понимающе посмотрели друг на друга.

– Да мы о своем, Валентина Андреевна, о девичьем. – отшутился Шурик.

Вершинина снова устроилась за столом и, как будто никуда не отлучалась, продолжала:

– Как же сосед это объяснил?

– Да никак не объяснил, zenки выпучил и варезку раскрыл. Не мои, твердит, и как ко мне попали, не знаю. – сказал Маркелов.

– А Силантьев?

– Этому Эркюлю Пуаро все ясно, как дважды два, – пренебрежительно отозвался о Силантьеве Вадим, – он не сомневается в виновности Трифонова. А вообще-то убийством будет заниматься, наверное, прокуратура.

– Нам-то что волноваться, – встрял Антонов, – сигнализация не подвела, к нам претензий быть не может, а теннисисту она теперь без надобности.

– Покойный что, теннисом занимался? – спросили Валентина Андреевна.

– Да, по всей квартире кубки и вымпелы, да почетные грамоты, видно не из последних теннисист, – доложил Антонов.

– Хорошо, вы свободны, отдыхайте. – Вершинина потянулась за новой сигаретой.

* * *

Часы, висевшие над дверью в кабинете Вершининой, показывали одиннадцать, когда Алискер Мамедов, сопровождаемый Болдыревым Сергеем, предстал пред ясные очи Валентины Андреевны.

Стремительный, подтянутый, энергичный, Алискер был достойным представителем поколения молодых предпримчивых людей, которые, согласно дерзновенным чаяниям лучшей части российского общества, должны определить облик нашей страны на стыке двух столетий.

Родись он лет на двадцать раньше, из него получился бы отличный комсомольский вожак, не ведающий страха первооткрыватель, строитель БАМа или знатный мелиоратор, но жизнь распорядилась иначе.

В настоящее время он работал секретарем-референтом начальника службы безопасности фирмы «Кайзер», выполняя одновременно обязанности и электронщика, и водителя, в общем, был на все руки от скуки. Со знаменитым героем Бомарше его роднила мобильность, умение быстро реагировать на сложившуюся ситуацию и принимать дельные, оригинальные решения.

Конечно, как говорил один из наших руководителей, незаменимых людей нет, но если бы Мамедов решил сменить место работы, служба безопасности, возглавляемая Вершининой, не скоро сумела бы подобрать ему достойную замену.

– Добрый день, Валентина Андреевна, – он снял ондатровую шапку, расстегнул черное кашемировое пальто и, сняв его, пристроил на вешалке.

– Здравствуйте, – Болдырев распахнул куртку.

– Привет, ребята, – сдержанно улыбнулась начальница, – как дела?

Сев на стул напротив Вершининой, Мамедов раскрыл коричневую кожаную папку и положил на стол несколько листов с печатями.

Переваливаясь с ноги на ногу, Болдырев пересек кабинет и тяжело опустился в кресло рядом с журнальным столиком.

– Вот договор на обслуживание квартиры номер двести один, дом двенадцать по Новосибирской, – начал Мамедов, – там еще наклеивается пара клиентов, я им оставил наши проспекты.

Вершинина бегло просмотрела бумаги и, вернув их Мамедову, сказала:

– Ну, ты знаешь, что с ними делать. – она повернулась к Болдыреву: – Сереж, плесни-ка мне чайку.

– Минуточку, Валентина Андревна, – он щелкнул рычажком стоявшего рядом с ним чайника, положил в чашку пакетик с чаем и, дождавшись, когда на чайнике погасла лампочка, залил чай кипятком.

Все это он проделал неторопливо, со спокойной крестьянской основательностью. Он и машину водил точно так же, уверенно и без нервозности. Но при необходимости мог выжать из автомобиля все, на что тот был способен, и даже сверх того.

Когда-то Сергею приходилось участвовать в ралли и не на последних ролях, но так случилось, что один из заездов оказался смертельным для его друга, и жена Сергея поставила ему ультиматум: или машина, или я. Сергей выбрал семью, тем более, что подрастающие дочь и сын требовали все больше внимания и заботы. Сергей не был трусом, но, обладая трезвой крестьянской жилкой, рассудил, что все равно рано или поздно с гонками придется завязать, а семья относится к разряду вечных понятий.

– А вы сегодня позавтракать успели? – участливо спросила Вершинина, – Сергей, открывай холодильник, там варенье, сыр, колбаса, сделай нам бутерброды.

Валентина Андреевна относилась к той категории женщин, которые, несмотря на свою полноту, не изводят себя бесполезными диетами, а окружающих – унылыми жалобами на свой избыточный вес. Она смотрела сквозь пальцы на все эти новомодные средства для похудения, не отказывая себе ни в печеном, ни в сладком.

Она охотно и вкусно готовила и ела с большим аппетитом, не пасуя перед огромными порциями и не содрогаясь от сознания того, что дополнительная калория сыграет роковую роль в округлении ее и без того пышных форм.

Валандра была свободна от комплексов по поводу своего веса. Возможно, это счастливое обстоятельство и являлось той наживкой, на которую клевали как супермены, так и обделенные волей и не слишком преуспевшие в жизни, но зачастую обладающие нерастраченными душевными сокровищами мужики.

Она с явным одобрением смотрела, как Сергей режет крупными кусками сыр и колбасу, укладывая их на хлеб.

– Хорошая новость, ребятки! Намечается крупный заказ: «Провинциалбанк» собирается устанавливать сигнализацию в хранилище.

Зазвонил внутренний телефон.

– Слушаю, Михал Анатолич, – сказала Вершинина, вклю-

чив громкую связь.

– Валентина, тут Силантьев к нам направил одного господина, его родственника обвиняют в убийстве, ты мне утром рассказывала. Прими его, хорошо?

– Хорошо, пусть заходит. Как его фамилия?

– Трифонов Никита Петрович.

Нажав кнопку отбоя, Вершинина посмотрела на Сергея.

– Забирай этот ланч в дежурку, там доешь, слышал, у меня посетитель? – она кивнула на телефон. В ее голосе появились командные нотки, но ей было бы невыносимо тяжело, если бы из-за нее кто-то остался голодным.

Убрав остатки продуктов в холодильник, Сергей сгрудил бутерброды на поднос и направился к выходу. Неожиданно открывшаяся дверь едва не выбила у него из рук поднос с бутербродами.

Вошедший мужчина, застыв на месте, оторопело уставился на Болдырева, который чудом не выронил подноса. Обменявшись удивленно-извиняющимися взглядами, Сергей и незнакомец, наконец счастливо разминулись.

– Добрый день, мне бы Вершинину увидеть... – вошедший замялся, неуверенно глядя на Валандру.

– Вы – Никита Петрович?

– Да. Меня к вам направил Мещеряков.

– Присаживайтесь, – Вершинина рукой указала на стул, который предупредительно освободил Мамедов.

Никита Петрович основательно устроился на стуле, рас-

правив длинные полы дорогого кожаного плаща. Никите Петровичу можно было дать лет пятьдесят, у него было приятное интеллигентное лицо, густые жесткие волосы, зачесанные назад, открывали высокий выпуклый лоб, умные глаза смотрели с прищуром из-под густых темных бровей.

– С чего бы мне начать? – с растерянностью человека, впервые попавшего в неординарную ситуацию, произнес он.

– Я знаю о вашем деле лишь в общих чертах, так что рассказывайте все по порядку, – постаралась приободрить его Вершинина.

– Да, собственно, и рассказывать-то нечего. Какая-то нелепость – моего брата обвиняют в убийстве!

– А что, это так уж невероятно? – спросила Вершинина.

– Невероятно – это не то слово. Это просто невозможно.

– Давайте пока оставим эмоции. Мы постараемся вам помочь, а вы помогите нам, – пыталась остудить его пыл Валентина Андреевна.

– Чем же я могу вам помочь? – удивился Никита Петрович.

– Расскажите все с самого начала. Как вы обо всем узнали?

– Мне позвонили на работу, сказали, что из милиции, ну я, естественно, удивился. Потом меня спросили, есть ли у меня брат, я, конечно, ответил утвердительно, ведь у меня и правда есть брат, – посетитель заметно нервничал.

– Не хотите сигарету, Никита Петрович? – Вершинина по-

додвинула ему пачку «Кэмела», пытаясь его успокоить.

– Спасибо, я курю трубку, – он достал из кармана плаща простой Г-образной формы трубку коричнево-бордового цвета, набил ее табаком из плоской жестяной коробочки, которую вынул из другого кармана и раскурил трубку от спички.

Вершинина выкурила уже полсигареты, когда Никита Петрович, закончив свои манипуляции с трубкой и табаком, сделал первую глубокую затяжку.

– Ну что, продолжим? – Валентина Андреевна, все это время внимательно наблюдавшая за гостем, не без грациозности откинулась на спинку кресла.

– Так вот, мне сообщили, что мой брат задержан по подозрению в убийстве. Я примчался в отдел, но там мне толком ничего не объяснили. Только один лейтенант, Силаев, кажется, сказал, что дело ясное: есть мотив, говорит, есть орудие убийства, есть труп и есть убийца, то есть мой брат, – начав пыхтеть трубкой, Никита Петрович стал заметно спокойнее, – но это же нонсенс. Какой из Петьки убийца?!

– В квартире вашего брата нашли золотые монеты, по всей видимости, раньше они принадлежали Дмитрию Федорову.

– Вздор! Бред какой-то, да ему кроме бумаги ничего не нужно было! Он же поэт, я бы даже сказал, весьма неплохой, но кому сейчас стихи нужны? Все как сбесились: читают только третьесортные детективы, да любовные романы! – Никита Петрович начинал распаляться, – если еще о Фрей-

де кое-кто слышал, то о Лэйнге или Прусте – единицы, я уж не говорю о Мисиме или Кортасаре. Извините, я отвлекся, – он посмотрел на Вершинину и, увидев, что его внимательно слушают, продолжил:

– Я ему говорю, Петь, хочешь, я тебе компьютер куплю? Будешь, по крайней мере, цивилизованно работать. Он говорит, нет, я на бумаге привык. Я ему несколько раз предлагал: давай, говорю, твои стихи отдельной книгой издадим, все расходы я беру на себя, ну там верстку, бумагу, типографию хорошую. Так вы знаете, что он мне ответил? – Трифонов поднял свои густые брови, – еще, говорит, рано, Никита, время еще не пришло.

– Значит, вы считаете, что ваш брат не мог убить человека? – спросила Вершинина, снова пододвигаясь к столу.

– О, Господи, ну, конечно, нет, – с облегчением от того, что его наконец-то поняли, выдохнул Никита Петрович, – он и комаров-то не убивал, а отгонял от себя, когда слишком доставали.

– Никита Петрович, извините за бестактность, а где вы работаете? – спросил молчавший до сих пор Мамедов.

– У меня небольшая фирма по изготовлению легких сооружений из влагонепроницаемой ткани. Любых форм и любых размеров. Ткань мы получаем из Германии, а кроим либо на месте, либо у себя в цехе.

– И что, доходный бизнес? – поинтересовался Алискер.

– За прошлый год я только налогов заплатил больше двух

МИЛЛИОНОВ.

– Новыми?

– Да, деноминированными, – поправил Мамедова Никита Петрович, – и если вы вытащите из этой передраги моего брата, я способен достойно вознаградить ваши усилия.

– Если я вас правильно поняла, – снова вступила Вершинина, – вы хотите, чтобы мы нашли убийцу Дмитрия Федорова, так?

– Именно так, – обрадовался Трифонов, как будто его брат уже был на свободе, – я бы хотел, чтобы вы это сделали как можно быстрее, в неволе Петька загнется, как цветок без солнца. Так мы договорились? – с надеждой спросил он.

– Думаю, что да, – ответила Вершинина.

– Тогда – вот, – Трифонов вынул и положил перед Валентиной Андреевной две банковские пачки сторублевков, – это аванс.

– Не проще бы вам было на эти деньги выкупить своего брата? – улыбнулась Вершинина.

– Не смешите меня, – сказал Трифонов, выбивая пепел из трубки в хрустальную пепельницу, – во-первых, здесь меньше тысячи долларов, – он показал на лежащие на столе деньги, – а во-вторых, я привык действовать честно, пусть в наше время это иной раз и стоит гораздо дороже.

– Алискер, – Вершинина посмотрела на Мамедова, – выпиши Никите Петровичу приходный ордер на деньги и оформи договор.

– Не стоит беспокоиться, Валентина Андреевна, это лишнее, – сказал Трифонов, рассовывая свои курительные принадлежности по карманам.

Мамедов вопросительно поднял на Валандру глаза.

– Делай, как я сказала.

Не хитрая процедура отняла у ловкого Мамедова немного времени – уже через несколько минут принтер выдавил два экземпляра договора, который Вершинина и Трифонов тут же и скрепили подписями.

– Вы позволите навеститься к вам через пару дней? – спросил, уходя, Трифонов.

– Конечно, Никита Петрович, заходите, – любезно ответила Вершинина, – думаю, к этому времени уже что-то прояснится.

Трифонов недоверчиво посмотрел на нее, но вынужден был опустить глаза, уступая властной, спокойной силе взгляда Валандры.

– До свидания.

– Всего хорошего, если вы нам понадобится, мы вам позвоним, – лицо Вершининой снова приняло характерное для нее невозмутимое выражение, – что скажешь? – обратилась она к призадумавшемуся Мамедову, едва закрылась дверь за Трифоновым.

– Похоже на правду, Валентина Андреевна, – не спеша включился в разговор секретарь-референт, – я бы, имея такого брата, не стал бы мараться о какого-то соседа, будь он

хоть трижды султаном Брунея, если бы, конечно, этот сосед сильно мне не насолил, – иронично подытожил он.

– Вот именно, – веско произнесла Вершинина, – если не насолил. А если все-таки насолил, то на кой черт Петру Петровичу понадобились эти проклятые монеты? Кстати, узнай, сколько они могут стоять.

– Действительно, неувязочка получается, – прокомментировал Мамедов, покачивая головой из стороны в сторону.

– Так, записывай или запоминай, – Валентина Андреевна знала о способности Мамедова с одного раза запоминать большие куски любого текста, впервые услышанного или прочитанного, даже если он был на иностранном языке, – во-первых, разузнай все о Федорове: родственники, друзья, работа, женщины, хобби, ну, сам знаешь.

– Хорошо, узнаем.

– Во-вторых, – продолжала Вершинина, – то же самое о Трифонове и в-третьих – отношения между Трифоновым и Федоровым, как часто встречались, общие знакомые ну и так далее и в-четвертых, свяжись с Силантьевым, выясни факты по делу. Можешь взять машину и одного-двух ребят. Если нужны деньги на расходы, возьми в сейфе, только не забудь оформить все. И держи меня в курсе. Все понял?

– У нас в роду все понятливые, – весело ответил Алискер, обрадованный возможностью проявить свои неординарные способности.

– Вечером доложишь все, что успеете узнать, – отдала по-

следнее ЦУ Валандра.

ГЛАВА ВТОРАЯ

* * *

Алискер был, как говорится, парень с огоньком, но действовал без излишней спешки и нервозности. Ему незачем было создавать вокруг себя тот обманчивый ажиотаж, который зачастую искусственно создается нерадивыми или ленивыми служащими, дабы выглядеть в глазах начальства сообразительными и расторопными работниками.

Он не влетал в дежурку как шаровая молния, испепеляя сослуживцев лихорадочно горящим взглядом, и не понуждал их к действию громогласными командами, восклицаниями и окриками. Строгие берега полученного им воспитания направляли и умирляли бурлящий поток его восточного темперамента, задавая ему приемлемое цивилизованное русло.

Ко всему прочему, членам вершининской команды не нужно было дважды повторять одно и то же, они все схватывали на лету, хотя у каждого были свои недостатки. Что касается последних, все они с лихвой перекрывались профессиональными достоинствами ребят, их энергией и сообразительностью.

– Ну ты и жрать! – фамильярно обратился Алискер к Бо-

дыреву, увидев пустой поднос.

– Я один что ли? – обиженно отозвался тот, – мне, чай, братва помогла, – Сергей кивнул в сторону Ганке и Антонова-младшего.

Те дружно загоготали.

– Ладно, шутки – в сторону, – настраивая всех на серьезный лад, твердо произнес Мамедов, – Вершинина дала задание. Ты, обжора, он посмотрел на Болдырева, – остаешься здесь за старшего, все остальные – по коням, расскажу в машине.

На улице по-прежнему валил мокрый снег. Перемолотый шинами автомобилей, он превращался в грязно-бурую чавкающую жижу. «Дворники» кайзеровской «Волги» работали на полную катушку, но подмерзающий на них снег не давал их резинкам плотно прилегать к стеклу, и Алискеру приходилось время от времени останавливать машину и оббивать ледяную коросту.

Каждый раз он возвращался в машину, браня (вполне цензурно) «не поймешь на что похожую» февральскую погоду.

Его кашемировое пальто жадно впитывало в себя быстро таявший снег.

– Ни в какую химчистку ходить не надо – в очередной раз пошутил он, садясь за руль.

Оставив Валентин Валентиныча с Николаем у дома Федорова опрашивать соседей, Алискер отправился к парку, на территории которого располагался спортивный комплекс,

где тренировались теннисисты. Узнав у вахтерши, где найти тренера, у которого занимался Федоров, Мамедов прошел узким коридором к указанной двери и постучал.

– Да-да, войдите, – отозвался из-за двери рыхлый тенор.

– Здравствуйте, вы Фадеев?

Он посмотрел на круглолицего кучерявого мужичка в спортивном костюме, вперившего в него свои плутоватые голубые глазки.

Тот сидел в кресле, обитом потертым гобеленом, зажав между пухлых ляжек теннисную ракетку, на которую от натягивал струны. В одном из отверстий на ободке ракетки торчало шило с красной рукояткой. Фадеев неохотно оторвался от работы, но то ли в силу привычки, то ли в силу добродушия растекся в масляной улыбке.

– Ну, положим, я, что дальше?...

– Да вы не пугайтесь, дорогой, я не из милиции, – успокаивающе улыбнулся Алискер.

– А чего мне бояться, – Фадеев поднял свои бесцветные брови.

– Вот я и говорю, – Алискер шагнул в тренерскую, – зачем бояться. Мне просто нужно с вами поговорить.

– А кто вы, собственно, такой? – Фадеев стер пот со лба, видно, работа, которой он занимался, отнимала много физических сил.

– Собственно говоря, я ответственный секретарь службы безопасности фирмы «Кайзер».

– Звучит солидно, – причмокнул губами толстяк, – и что же вы хотите?

– Да я уже пять минут пытаюсь вам объяснить – мне нужно с вами поговорить, а если быть более точным, задать вам несколько вопросов.

– Я вас слушаю, – Фадеев отложил ракетку в сторону, только покороче, мне через пятнадцать минут нужно быть на корте.

– Спасибо, дорогой, Владимир Петрович, я вас не задержу. Скажите, Дмитрий Федоров у вас занимается?

– Предположим, что дальше? – насторожился Фадеев.

Алискер внутренне поморщился, но продолжал:

– Когда вы видели его последний раз?

– А что, с ним что-нибудь случилось? – вопросом на вопрос ответил Фадеев.

– Владимир Петрович, я готов ответить на все ваши вопросы, но только после того, как вы ответите на мои, иначе мы не уложимся в пятнадцать минут, из которых у меня осталось уже четырнадцать. Итак, когда вы видели Диму последний раз?

– Вчера, на тренировке, – без особой охоты ответил Фадеев.

– Во сколько началась тренировка?

– В пять часов.

– Значит, в семнадцать? – уточнил Мамедов.

– Значит, в семнадцать.

– Когда тренировка закончилась?
– Через два часа, в семь.
– Федоров был все эти два часа не корте?
– Обычно ребята отходят, кто – попить, кто – наоборот – в туалет, кому-то нужно позвонить, – Фадеев смешно дергал руками, сопровождая неуклюжими жестами свою речь, – а вообще-то надолго никто не отлучается, скоро у нас зональное первенство России.

Как он мог с такими руками играть в теннис, или сразу стал тренером? – подумал Алискер, глядя на мясистые культистые пальцы Владимира Петровича, – хотя, вон у Болдырева пальцы не лучше, а двигатель он с закрытыми глазами разберет и соберет.

– Владимир Петрович, вы тренируете старших ребят, скажите, какие в группе отношения между ними?

– Да по-разному бывает, сами понимаете, и влюбляются, и ругаются, но, в основном – нормальные отношения, – пожал плечами Фадеев.

– А как же соперничество?

– Мы им стараемся объяснять, что спорт – это одно, а жизнь – другое, хотя и здесь и там нужно бороться, самоутверждаться. Не всегда спортсмен побеждает на корте, не все человеку удастся в жизни, но переносить свои успехи и поражения в спорте на личностные отношения – глупо и опасно.

– Вы-то учите хорошему, но все-таки идеальных взаимо-

отношений не бывает, с кем Федоров наиболее близок?

– Он дружит с Рудольфом Шнейдером, с Ольгой Николенко у него был года полтора назад роман, да, в принципе, он со всеми поддерживает неплохие отношения, парень он довольно открытый, коммуникабельный, мне кажется, он не испытывает трудностей в общении.

– А кто его главный соперник, я имею в виду – внутри команды?

– Роман Сулейманов, они идут примерно на равных, но у Федорова больше воли к победе, да и подача более сильная, а Сулейманов немного невыдержанный, когда начинает проигрывать, становится агрессивным, иногда ракеткой о землю колотит.

– А вы не заметили, с кем он вчера уходил после тренировки?

– Кажется, со Шнейдером, они живут рядом, Федоров его обычно подвозит на своем «Опеле».

– В наше трудное время не каждый молодой человек может позволить себе «Опель». – заметил Мамедов.

– Как раз, наоборот, нынешнее поколение легче приспосабливается к «рыночной экономике», – с налетом какой-то отеческой грусти сказал Фадеев, – это нам, старым борцам за коммунизм приходится особенно трудно: изменить свои взгляды, жизненные ориентиры и привычки – ох, как не просто! – философски закончил Владимир Петрович.

– Так что же, Федоров сам заработал на «Опель»? – спро-

сил Алискер, несколько смущенный тем, что принадлежал к тому самому «нынешнему поколению», о котором с беззлобной завистью высказался Фадеев.

– Да нет, машина ему от отца осталась, он на Кубе пахал не один год чтобы семью обеспечить. Вот только поистине не ведаешь, где упадешь... Работал-то Федоров-старший недалеко от военного городка, а в той зоне радиация повышенная была... Ну, в общем, вернулся он с опухолью мозга, даже года не прожил. А жена, еще когда он на Кубе работал, с другим мужиком сошлась и уехала с ним в Москву.

– Не знаете, Дима поддерживал с ней отношения? – спросил Алискер, заметно подавленный этой печальной историей.

– Вроде, да. А в чем дело? – спохватился Фадеев. – что случилось?

Его голубые глазки яростно сверлили Мамедова, который выждав паузу и сделав каменное выражение лица, сухо произнес:

– Сегодня утром сотрудниками милиции и нашей фирмы был обнаружен труп Федорова.

Но, дрогнув на предпоследнем слоге, голос Мамедова, которому он силился придать невозмутимое спокойствие и даже равнодушие, выдал его волнение, став неожиданно хриплым. Он напоминал самолет, которому нехватка бензина не позволила дотянуть до посадочной полосы.

Не каждый день сообщая людям такие новости.

– Что?! – Фадеев открыл рот, вялость флегматика, иногда перевоплощающегося в брызжущего веселым остроумием сангвиника, в одно мгновение слетела с него.

– Федоров найден мертвым в своей квартире, – повторил Мамедов.

– Не может быть! – Владимир Петрович никак не мог прийти в себя.

– Ножевое ранение в сердце, – не давая ему опомниться и не глядя на него, сказал Мамедов.

* * *

Мамедов снова сел за баранку. Чтобы не терять времени, до начала тренировки оставалось еще три часа, он решил посетить Шнейдера и Сулейманова – друзей-соперников Федорова.

Шнейдер жил ближе, и Алискер направился сначала к нему. Остановив «Волгу» у подъезда, он пешком поднялся на третий этаж и позвонил.

Высокий зеленоглазый блондин, открывший дверь, тер глаза кулаком. Его заспанный вид говорил о том, что он только что проснулся.

– Вам кого? – удивленно спросил парень.

Мамедов показал ему служебное удостоверение.

– Меня зовут Алискер, я бы хотел поговорить с Rudolf Шнейдером.

Парень оторопело уставился на Мамедова.

– А по какому, собственно, вопросу?

– Можно войти?

– Проходите, – он посторонился, пропуская Мамедова, – сюда, пожалуйста.

Шнейдер легонько толкнул рукой дверь в комнату.

Диван и кресло из одного гарнитура, стул рядом с письменным столом, стереосистема на подставке, несколько книжных полок, где книги и журналы соседствовали с кубками, на полу – коричнево-бежевое ковровое покрытие.

– Вас зовут Рудольф? Мне ваш адрес дал Владимир Петрович.

– Что-то случилось?

– Вы еще не знаете? – Мамедов наблюдал за Шнейдером, – Дмитрия Федорова убили сегодня ночью.

– Убили? – вытаращив глаза, переспросил Рудольф.

– Вот именно. Поэтому я хотел задать вам несколько вопросов.

– Конечно, спрашивайте, – Шнейдер моргал своими большими глазами, – только скажите, как это случилось?

– В шесть утра сработала сигнализация в его квартире, мы подъехали через пять минут, практически одновременно с милицией. В квартире задержали соседа, а труп Дмитрия находился в ванной.

– Ужас какой-то, – Шнейдер рассеянно смотрел в пол, покачивая головой.

– Так вот, милиция считает, что это дело рук соседа, но есть несколько «но», поэтому мы и занимаемся этим убийством.

– Чем же я могу вам помочь?

– Когда вы последний раз видели Дмитрия?

– Вчера, на тренировке, – как бы вспоминая, ответил Рудольф.

– После тренировки вы поехали домой?

– Ну да, Дима еще подбросил меня, как обычно. Нам по пути.

– Во сколько вы расстались?

– Вчера тренировка закончилась минут двадцать восьмого, мы приняли душ, переоделись и где-то в районе восьми были уже у моего дома.

– Он собирался сразу поехать домой? – Мамедов не сводил со Шнейдера своих черных внимательных глаз.

– Нет, он сказал, что у него какая-то встреча в кафе «Ретро», на Буденовской.

– А с кем, он вам не сказал?

– Нет.

– У него была девушка?

– Да, Света Чебакова.

– Они давно познакомились?

– Месяца три назад.

– У них были серьезные отношения?

– Я не знаю, собирались ли они пожениться, но Светка

хотела с ним ехать в Швецию, Диму пригласили туда тренироваться.

Мамедов немного помолчал, обдумывая следующий вопрос.

– Вы не заметили в последнее время чего-нибудь необычного в поведении вашего друга, вы ведь были друзьями?

Теперь задумался Шнейдер.

– Он какой-то дерганный стал, что ли. Я думаю, это из-за того, что Светка со своим бывшим хахалем на Канары умотала. Димка не смог поехать, у нас ответственные соревнования на носу, вот он и маялся. Понятно, что она там не кока-колу с ухажером пить собирается.

– Вы знаете адрес Чебаковой?

– Лицейская, пятьдесят четыре, квартира двенадцать. Могу и телефон дать.

– Это было бы замечательно, – сказал Алискер, вынимая записную книжку и авторучку.

– Двадцать четыре, семьдесят один, сорок два.

– Спасибо. Вы считаете, что нелады с Чебаковой были единственной причиной нервозности и плохого настроения Федорова?

– О других причинах, если они и были, я не знаю. Хотя в последнее время у него и в игре были сбои, – Рудольф поднялся с дивана, – вы извините, мне нужно на тренировку собираться.

– Я вас подвезу, у меня внизу машина, – любезно предло-

жил Алискер, – Светлана Чебакова живет одна?

– Нет, с родителями, папаша ее – крутой бизнесмен, а мать – домохозяйка.

– У Димы было много друзей?

– Знакомых было много, а из друзей, пожалуй, только Андрей Зернов, они в одном классе учились. Димка и меня с ним познакомил.

– А чем занимается Андрей?

– Он в этом году заканчивает экономический.

– Спасибо, Рудольф, собирайтесь, я подожду вас в машине.

Мамедов запустил двигатель, набрал номер конторы и, дождавшись соединения, снял трубку.

– Товарищ майор, лейтенант Мамедов на проводе. Разрешите доложить обстановку?

– Кончай хохмить, Алискер, – улыбнулась Вершинина, – что у тебя?

– Ганке с Антоном-младшим я оставил опрашивать соседей Федорова. Я поговорил с его тренером и одним из спортсменов, которые с ним тренируются, сейчас снова еду в спортзал.

– Когда освободишься?

– Думаю, часа через полтора-два.

– Ты обедал?

– Конечно, – уверенно соврал Алискер.

– Ты уверен? – засомневалась Вершинина.

– Хотите, я перечислю все блюда, которые мне подавали? – весело спросил Мамедов.

– Ладно, гурман, отбой.

– До вечера, Валентина Андреевна.

Через пять минут они с Рудольфом уже ехали на тренировку.

* * *

Сочные удары ракеток по мячу сливались в один вибрирующий гул, втягиваясь, как воронкой, тишиной огромного теннисного зала. Миновав тяжелые темно-синие кулисы, которые отгораживали корты от остального пространства зала, Мамедов увидел играющих теннисистов.

На первом корте разыгрывалась подача, на втором – шла борьба у сетки, на третьем шла микстовая партия.

– Вы уже здесь? – Мамедов узнал голос Фадеева.

Тот, с сумкой через плечо и с полдюжиной ракеток подмышкой, подошел к нему сзади.

– Рома, резче удар должен быть, резче, – крикнул он одному из игроков.

Мамедов посмотрел на парня, которому адресовалось замечание. На скуластом лице Ромы застыло напряженное выражение, маленькие черные глазки горели каким-то недобрым огнем, ноздри мясистого носа раздувались как у норовистого жеребца, рот был приоткрыт, нижняя губа – выпя-

чена.

– Блин, – ругнулся он, пульнув очередной мяч в сетку и вытирая потную ладонь о тренировочные штаны.

Засунув пальцы правой руки за воротничок синей футболки, он сделал движение головой в духе восточных танцовщиц, только не вправо-влево, а вперед-назад. Потом подобрал мячи, один из них сунул в карман штанов, и, сутулясь, подпрыгивающей походкой пошел на подачу.

– Это Сулейманов? – Мамедов кивнул в сторону Романа.

– Он самый. Тяжеловато мне порой с ним приходится, – вздохнул Фадеев, – талантливый, но невыдержанный, да к тому же лентяй приличный.

– Он скоро освободится?

– Роман, – крикнул вместо ответа Фадеев, – гейм доигрывайте и – сюда.

Сулейманов, застыв посреди корта с мячом в руке, вопросительно посмотрел на тренера.

– Что непонятного, я сказал, доигрывай.

Роман пожал плечами и снова вступил в игру. Худой и мускулистый, он легко передвигался по корту, ловко приседая перед низким мячом и, мощно отталкиваясь, прыгал за высоким. Наконец, обведя по линии вышедшего к сетке соперника, он выиграл гейм.

– Вызывали? – Сулейманов развинченной походкой подошел к лавке, где его поджидали Мамедов с Фадеевым.

– Брось паясничать, Роман, человек с тобой поговорить

хочет, – Владимир Петрович кивнул в сторону Мамедова, – познакомься, это Алискер Мамедов.

Роман протянул руку.

– Сулейманов.

– Ну, я вас оставлю, вы поговорите спокойно, – сказал Фадеев и, собрав свою амуницию, направился к кортам.

– Я вас слушаю, – Сулейманов стоял переминаясь с ноги на ногу.

– Да ты садись, Роман, я надолго тебя от тренировки не оторву, но, как говорить, в ногах правды нет. Ты уже, наверное, знаешь, что произошло?

– Ну, знаю, – пренебрежительно отозвался Сулейманов, – я то тут при чем?

– Да ты не ершишься, я не из милиции.

– Хотя бы и из милиции, мне нечего бояться, – криво усмехнулся Роман.

– Нет, если тебя больше устраивает перспектива общаться в прокуратуре, пожалуйста, тогда я уйду, – взял парня на пушку Мамедов.

– Ладно, – пошел тот на попятный, – что вас интересует?

– Меня интересует, где ты провел вчерашние вечер и ночь? Начиная, скажем, с двадцати ноль-ноль.

– Дома провел, – коротко ответил Сулейманов, покручивая ракетку в руках.

Его лоб, не смотря на молодость, покрывали борозды довольно глубоких морщин, являвшихся, скорее всего, резуль-

татом чрезмерно развитой мимики.

– С кем ты живешь? Я имею в виду, что это, конечно, могут подтвердить твои родные.

– Мать вчера была на дежурстве, больше дома никого не было.

– Хорошо. Что ты делал дома после того как пришел?

– Поел, послушал музыку, сел телевизор смотреть.

– Что показывали? – заинтересовался Мамедов.

– Да я не помню точно, боевик, кажется, потом клипы были. Спать лег примерно полдвенадцатого.

– Никуда не выходил? – Мамедов, повернувшись к Сулейманову, в упор посмотрел на него.

– Никуда, – Роман и бровью не повел.

– И никто к тебе не приходил?

– Я же сказал, что был один. Вы что, меня подозреваете?! – вызывающе спросил он.

– Во-первых, об этом рано говорить, а во-вторых, я тебе сказал, я не из прокуратуры и не из милиции, у нас – частная контора, а если ты что-то вспомнишь насчет вчерашней ночи, позвони мне, – Алискер достал визитку и протянул ее Сулейманову.

– Ладно. – без особого энтузиазма сказал тот.

– Будь добр, позови, пожалуйста, Никоненко Олю.

Трехрожковая люстра ярко освещала помещение дежурки, жалюзи на окнах были опущены, обогреватель работал на полную катушку. Болдырев сидел за столом у самовара с чашкой в руках.

– Ты че, парную здесь устроил? – вошедший Николай выключил обогреватель, – на улице плюс.

– Сыро очень, – Болдырев отхлебнул из чашки, – а я человек ревматический, сырость мне противопоказана.

– Ты не знаешь, как победить сырость? – с серьезным видом спросил вошедший следом за Николаем Ганке, держа в руках свой неизменный «дипломат», в котором он носил необходимый инструмент, – мы победили ее при помощи «Бэби-драй».

– Валентиныч, я понимаю, что у нас страна советов, но ведь не страна баранов, – парировал Сергей, ставя чашку на стол.

– Перекусить есть чего? – Николай подсел к столу и налил себе чаю.

– Что новенького, рассказывайте, – Болдырев достал из холодильника банку шпрот, полбатона колбасного сыра и пучок подвяленной петрушки. Выложив продукты на стол, он, образно говоря, «умыл руки».

– Может, ты нам еще и нальешь? – усмехнулся Ганке, от-

крывая шпроты.

— Валандра вам нальет, догонит — добавит.

— Ты где такую петрушку выкопал, из-под снега что ли? — продолжал иронизировать Ганке, отложив нож и крутя в руках поникшую зелень.

Было забавно наблюдать, как этот представительный, солидный господин, в дорогом костюме и при галстуке приступает к столь незатейливой трапезе.

Валентин Валентинович работал в фирме больше двух лет. Его род происходил не то из Баварии, не то из Вестфалии. Далеко не безоблачный жизненный опыт Ганке сослужил ему, тем не менее, не плохую службу.

Начав трудовой путь с токарного станка, он быстро продвинулся, но после сошел с широкой торной стези передовика производства, свернув на извилистую тропку личной авантюры. Что толкнуло его на это?

Может, воровская романтика, может, острая нехватка средств — к тому времени у него уже были жена и ребенок. А может, его сверхчувствительные пальцы взбунтовались против заедающей каждодневной рутины совкового производства.

Однажды его рискованное предприятие, приносившее ему неплохой доход и дававшее простор для воображения, накрылось медным тазом. Ганке выписали путевку на пять лет в места не столь отдаленные, четыре из которых он благополучно отбарабанил. Год ему скостили за примерное по-

ведение.

Сидеть больше не хотелось, а применить свои знания и умения в законном бизнесе случай не подворачивался.

Судьба улыбнулась Валентину Валентиновичу, когда после отсидки он познакомился с Вершининой, причем, как это часто бывает в жизни, совершенно случайно.

Как-то он врезал замок Вере Гавриловне – матери Вершининой, которая, оставшись довольной работой Ганке, порекомендовала его дочери, когда у той возникла аналогичная проблема.

В конце концов Вершинина пригласила его работать в «Кайзер», где он и трудился в настоящее время к их обоюдному удовольствию.

– Алискерчик не появлялся? – спросил Валентин Валентинович и все-таки положил веточку петрушки поверх бутерброда со шпротиной.

– Ждем-с, – улыбнулся Болдырев, – вас-то двое, а он один.

– Нам-то целый дом достался, а ему – пара теннисистов, – осклабился Антонов.

– А у тебя тут все спокойно? – поинтересовался Валентинич.

– Все о`кей, – коротко ответил Сергей.

– Валандра у себя? – спросил Антонов.

– У себя, ждет вас, иисусиков, – Болдырев прищелкнул языком.

– А мы как на картинке, – весело сказал Антонов-млад-

ший.

– Сейчас Алискер придет, и двинемся, – поддержал Николая Ганке.

– Легко на помине! – воскликнул Болдырев, когда в дверях появился Мамедов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

* * *

– Хорошо, с этими ясно, – сделав пометки в склерознике напротив фамилий Фадеева, Шнейдера и Сулейманова, Валандра перевернула страницу, – кто у тебя еще?

Мамедов в компании Ганке и Антонова сидел напротив Вершининой.

– Дальше – Ольга Никоненко.

– Что удалось узнать у нее?

– Кое-что интересное. Она слышала, как в буфете спорт-комплекса, где они тренируются, в это воскресенье двое «новых русских» поспорили при свидетелях на пять тысяч долларов.

– Ну и что, что они поспорили? – Вершинина крутила в руках простую шариковую ручку.

– Дело в том, что предметом спора стал предстоящий турнир по теннису, а конкретнее, встреча Федорова и Сулейманова, – Мамедов выдержал многозначительную паузу.

– Давай без театральных эффектов, – поморщилась Валентина Андреевна.

– Так вот, спорили некие Зотов и Симягин. Зотов поста-

вил на победу Федорова. Никоненко говорит, орали на весь буфет.

– Может быть, просто по пьянке поспорили, а на следующий день забыли?

– Нет, Ольга говорит, что они были практически трезвые и спорили при свидетелях – своих же приятелях.

– Как эти нувориши туда попали, им что, встречаться больше негде?

– В тот день были очередные соревнования, а эти нувориши, как вы их назвали, увлекаются теннисом, сейчас это модно, и, к тому же, сами корт арендуют, то есть попали они туда не случайно.

– Кто-нибудь еще слышал, как они спорили?

– Да практически все, кто был в буфете, включая и Амалию Филиповну...

– Это еще что за птица? – вскинула брови Вершинина, не дав Алискеру закончить фразу.

– Амалия Филиповна это буфетчица, – спокойно продолжил Мамедов, – она там больше двадцати лет работает, очень сообразительная фрау.

– Я так понимаю, что у тебя все? Правильно?

– Почти все, – Мамедов сделал ударение на первом слове и закрыл папку, – монеты, которые обнаружили у Трифонова, Федорову достались от отца, он часто ими хвалился перед ребятами. И еще, по предварительным данным, смерть Федорова наступила около пяти часов утра, плюс-минус час.

Точнее можно будет сказать после экспертизы. Вот теперь все.

– Тогда организуй нам кофе, а вы, – обратилась она к Антонову и Ганке, – двигайтесь ближе к столу. Валентиныч, начинай ты.

– Мы, Валентина Андреевна, смею вас заверить, не поленились, – начал в присущей ему неторопливой, обстоятельной манере Ганке, – опросили всех, кто был дома. Сами понимаете, соседи – народ любопытный, а зачастую не деликатный, но это только нам на руку. Вот, например, Марья Сергеевна... – Ганке открыл маленький, аккуратный блокнотик со страничками в клеточку, – ... из сорок седьмой квартиры видела, как раза два Федоров приходил домой в сопровождении ярко покрашенной блондинки лет двадцати...

– Да уж, блондинке удалось привлечь внимание не только Федорова, но и ушедшей Марьи Сергеевны. Макияж – страшная сила... – попытался схохмить Антонов.

– Коля! – недовольно прикрикнула на него Валандра. – посерьезнее. Так, так, а ну-ка дыхни... А я сижу и не пойму, от кого это таким свежачком тянет. – Вершинина в упор посмотрела на Антонова-младшего и поморщилась, – ты что же это, друг, на портвейн перешел?

Ее ироническое замечание, приправленное изрядной долей сарказма, вызвало у Антонова некоторое замешательство, но, через секунду справившись с ним, он с хитрецей ответил:

– Ошибаетесь, Валентина Андреевна, это «Анапа», пришлось принять ради дела. Николай Палыч, мой тезка, очень ее уважает, а на сухую ну никак не может общаться, так что уж извиняйте.

– Ладно, с тобой и Николай Палычем после разберемся. Так что у нас с Марьей Сергеевной? – снова обратилась она к Ганке.

– Ну-ка, Коля, посторонись, – Алискер поставил на стол поднос с кофейником и чашками.

– Спасибо, дорогой, – поблагодарила его Валентина Андреевна.

– Так вот, значит, блондинка, я не про Марью Сергеевну, а про эту девицу, которую она видела с Федоровым. Она была в короткой светло-коричневой дубленке с капюшоном, длинных черных сапогах выше колен и с небольшой сумкой на тонком ремешке. Эта девица у него появилась с неделю назад, точнее она сказать не может, а до этого месяца три он ходил с другой – ту Светой звали, и была она похожа на снегурочку, – с юмором добавил Валентиныч, – белая норковая шубка, белые ботинки и берет из серебристой норки.

– Ну и наблюдательная эта Марья Сергеевна! – с искренним восхищением сказала Вершинина, покачивая головой и делая пометки в склерознике.

– Да, очень наблюдательная, от нее не укрылось также и то, что к нему часто заходил Зернов Андрей, бывший одноклассник Федорова.

– Кто-то еще? – спросила Валандра.

– Еще две девушки частенько заходят в компании своих приятелей. Эти, скорее всего, тоже теннисисты, она видела их с ракетками. На новый год они все собирались и еще человек пять-шесть, всех она не запомнила.

– Эти две девушки, наверное, Никоненко и Пешева, – вставил Мамедов, сидящий поодаль, – тренировались вместе с Федоровым.

– Хорошо, – Вершинина перевела взгляд на Антонова, – а у тебя что, алкоголик по долгу службы?

– К вышеизложенному могу добавить следующие сведения, которые сообщил мне Николай Палыч за рюмкой супа: Трифонов, свой человек, всегда давал денег на опохмелку, если только они у него были. Сам выпивал умеренно, но иногда накачивался основательно. Из дома выходил редко, жил полузатворником, брат ему регулярно подкидывал денег и продуктов. В общем потребности у него были самые минимальные. Последнее место работы школа номер семьдесят восемь, где он преподавал русский и литературу. Вот уже два года, как не работает – занимается тем, что пишет стихи и рассылает их по всем странам и весям, – образно выразился Антонов.

– Родственники, кроме брата у Петра Петровича есть? – спросили Вершинина.

– Была жена, но бросила его несколько лет назад, детей нет, родители умерли.

– Да, безрадостная картина, – резюмировала Валентина Андреевна, – что-нибудь еще?

– Что касается отношения Федорова и Трифонова, то можно сказать, что они были едва знакомы, несмотря на то, что жили на одной площадке. И вообще, все сходится во мне, что Трифонов был человеком безобидным.

– Спасибо, Коля, можешь быть свободен, ты тоже, Валентин Валентинович.

Оставшись наедине с Мамедовым, Вершинина достала сигареты и закурила.

– Подсаживайся поближе, Алискер.

– Я слушаю, Валентина Андреевна, – Мамедов сел к столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.